

Ольга
ФОКИНА.

«Выбираю

ЗОЛОТОЕ-СРЕДНЕЕ»

Ольга Фокина — известная поэтесса, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, автор шестнадцати книг. Последний ее сборник «Колесница» разошелся в Вологде за два часа. Молоденькая продавщица из книжного магазина, узнав свою любимую поэтессу, удивленно подняла брови: «Уж не свою ли книжку ищете? Многие сожалеют, что не досталась...»

Встретились мы с Ольгой Александровной в Вологде. Держится она строго, говорит образно. При упоминании ее деревни, детства светлеет лицом.

Простые звуки

Родины моей:

Реки неугомной

бормотанье

Да гулко

лесное кукованье

Под шелест

созревающих полей...

Другим

без сожаленья отдаю

Иных земель

занятные картинки...

— В ваших стихах непременно присутствует конкретный адрес — родная северная деревня, а герои — реально существующие люди, чаще ваши земляки. Не скрывает ли «узкая география»?

— В детстве, в первых своих стихах, я подражала Михаилу Исаковскому. Во время учебы в Москве так и не решилась зайти к Михаилу Васильевичу, хотя жил он недалеко от Литературного института. Мое творчество мне казалось несерьезным, что ли, не заслуживающим внимания такого поэта. Потом услышала: Исаковский серьезно болел и, словно чувствуя, что поэт скоро уйдет из жизни, отдал ему стихи с надеждой, что он к ним прикоснется. Так и написала: «Мне больше ничего не надо». Неожиданно Михаил Васильевич прислал мне свою книгу «На Ельнинской земле» и большое письмо. Запомнились его слова: «Вы пишете об очень личном: своя мать, свой брат, но это похоже на другие судьбы, потому приобретает социальный смысл».

— Ольга Александровна, вы довольно много путешествуете по нашей стране, бываете за рубежом, а пишете в основном в Севере...

— Поездки в Якутию, Туркмению, Казахстан оставили яркие впечатления. Но мне, чтобы писать, надо очень долго привыкать к земле, вживаться в характер. Возможно, кому-то «узкая география» может показаться скучной, а меня с этого пути не свернуть.

— На мой взгляд, лучшие ваши строки — о матери:

Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила.
Держишь ее — как надо!
Дерзостью

встретишь дерзость!

Вдесятеро заплатишь
Любям — за доброту.

— Любимый человек считает свою маму лучшей в мире. Вот и я так. Где бы я ни была, все на нее ориентируюсь: как бы

она отнеслась, что бы она сказала? За письменным столом тоже: ее глазами проверяю каждую строку. У нее учусь мужеству. Уважаю за то, что не плачет на людях. Не причитала даже, когда муж, мой отец, погиб, а нас у нее на руках осталось пятеро. Соседки считали ее холодной, равнодушной. А она сидит перед затопленной печью, закрывает глаза ладонью, смахивает накопившиеся слезы... У мамы — кристальная честность. Переживает, если в колхозе кто-то чужое тащит. И брат — как мать. Сощипнут дети стручок гороха, заметит: «Это не наше — колхозное». Увидит, что неопытные трактористы помяли на краю поля колосья, — останавливает, с гневом скажет: «Нельзя так с хлебом обращаться». Маме всегда всех жалко. Не привезут вовремя сено, принесет со своей повети и даст лошадам. Сделает так, чтобы никто не заметил. Сама-то сеинчик чужой не прихватит. Образование у нее четыре класса, а слышит большой любительницей чтения, мои братья — в нее. До сих пор помнит множество стихов. Люблю я ее за поэтическую душу, за то, что видит и понимает красоту. На сенокосе срывает цветки (другие бы не заметили, примяли его), она нам несет: «Глядите, какая красота!»

— Ольга Александровна, уже четверть века вы — городской житель, а в поэзии выступаете «от имени серпа». Нет в этом противоречия?

— Я с малолетства знаю крестьянский труд, привыкла делать все. Разве что корову доить не умею. Мама не позволяет: «Скотина, — говорит, — должна знать одного хозяина». Родная тетя Лизавета вспоминает: «Как-то сижу у вас. Тебе, Олюшка, года три-четыре было ли, нет, а ты пол подметаешь. Дивно мне: никто ведь не заставлял ребенка за веник браться». Как тут снова не вспомнить маму? С малых лет воспитывала в нас трудолюбие. Разве сядешь за книгу, если надо дрова劈ить, по воду идти, корм скотине задать? Кстати, пол в отцовской избе до сих пор не крашен. Не сразу мама позволила мне мыть пол. Вначале доверяла вычистить кран у самовара, потом весь самовар, помыть ручки ухватов. Не щедра она на похвалы. Ходим, бывало, целый день с братом за брусничкой. Обувь рваная. Голодные. Устанем. Зато счастливы от мысли: мама останется довольна.

— Пригодилось ли что из маминского воспитания в обращении с собственными детьми?

— Еще был К слову, нас, пятерых, мама воспитывала по тому же принципу, что и ее мать, то есть наша бабушка. У сынишки самое любимое время года — каникулы, проведенные у бабушки в деревне. У дочки — тоже. А ведь оба горожане, второе поколение. Сын с четырех лет ходит пешком на сенокос. За десять километров. Не жалуется на усталость, несет свою корзину с грибами-ягодами. Меня радует, что дети не проходят мимо чужого горя, останавливаются на улице около плачущего (даже в коляске) ребенка. К роскоше-

ству они не привыкли. Сдерживаю их, в желаниях умеренны. Сначала помечтают о запланированных отъездах. Стараюсь, чтоб не превратились в рабов вещей. Приучаю их к самостоятельности. Они знают цену денег. Когда я уезжаю куда-нибудь надолго, ребята договориваются сами — ничего, справляются, правильно планируют бюджет, в чистоте содержат квартиру.

— Вы писали о своем деревенском детстве:

Жала я траву Пеструхе,
Жала жито, жала ромашь.
Как иные родом хвалятся,
Похвастаюсь и я:
У меня на каждом пальце
След от жала-острия.

— В городе, должно быть, приятней детям трудовые навыки сложней?

— Нас деревня учит. Они там помогают мне по хозяйству, на всех дел хватает. В городе? Сын, например, к одиннадцати годам научился вставлять замок, может починить розетку, сменить пробки. Дочь связала модный свитер — мне так не сделать. Похоже, скоро по всем статьям меня обставит. Оба на равных, как взрослые, принимают участие в решении житейских проблем. Вместе обсуждали, как быть с каникулами. Сын — за поездку к бабушке. На все лето Дочь запросилась к теплому морю. Основание у нее веское: «апереди выпускные экзамены и вступительные — в институт собирается. И мы уважили ее, поехали на юг, а уж оттуда — на север, к бабушке. Не стали нарушать семейную традицию — отдыхаем всегда всей семьей. Это и для меня — возвращение к детству, в отцовскую избу, где я жила до четырнадцати лет. Всему хорошему я обязана деревне. Там живут мои герои — сельские жители. Там никого не интересует, пишу я или нет. Живу, как все. Занимаюсь крестьянским трудом. Стараюсь полностью заменить во всем старенькую маму и брата-конюха у которого своих дел — не переделат. Надо везде успеть: приготовить обед, нанести воды, мыть-стирать. И хочется сходить в поле, в лес, на речку. Мне нравится, как в детстве, чистить на берегу речным песком медный самовар. В лесу люблю одиночество, чтобы подумать, помечтать. Невольно вспоминается военное мое детство. Я не жалею, что оно было трудным, голодным — иначе бы я просто многое не познала, не поняла.

— Видимо, в родной деревне и рождаются лучшие строки?

— Летом я обычно не сажусь за письменный стол. Даже не всегда успеваю записать мысль, наблюдение, внезапно пришедшую строку. Да разве это главное! Чем бы я ни занималась в деревне, все равно остаются зарубки в памяти. Накопленные за три месяца впечатлений хватает потом на целый год.

— Тесная связь с малой своей родиной позволяет вам, Ольга Александровна, видеть происходящие на селе изменения. Как вы, горожанка, находите Артемьевскую — деревню своего детства?

— Радуюсь, что наконец и в нашу глухомань пришли хорошие перемены. Зажиточно живут земляки. Газовые плиты, стиральные машины, телевизоры, мебель — все на городской манер. Зарботки высокие, особенно у механизаторов и доярок. Нынешним крестьянкам не приходится вставать ни свет ни заря, как моей маме. Маме поднималась часа в два-три ночи, успевала обрядить корову, испечь хлеб, наготовить нам на день еды, потом шла несколько километров на сенокос и, отмахав день косой, возвращалась (разумеется, пешком!) домой, чтобы не поспать — подремать часок-другой перед новым столь же напряженным днем... Сегодня жизнь сельской женщины почти не отличается от жизни горожанки. Печь давно не топят — ее заменили паровое отопление и электричество. Даже хлеб не пекут — привозной...

— Про хлеб вы сказали с грустью. Наверно, жалко старых традиций, романтики, своего дорогого, что становится воспоминанием в обновленной деревне?

— Меня радует достаток сельских жителей, которые вкусно едят, модно одеваются, гонятся к книге, стремятся получить образование. В каждый свой приезд я ощущаю хорошие перемены, однако замечаю и некоторые негативные явления. Меня огорчает, что люди стали жить обособленнее. Почему в их отношениях порой исчезают теплота, искренность, доверие? Наша Артемьевская действительно глухомань — до железной дороги сто пятьдесят километров. Возможно, по этой причине не хотят оставаться там девочки. Сразу после школы уезжают в город или еще куда. Так возникла проблема невест. Женихов в избытке. Парням что не остается в колхозе! Для них — техника на любой механизаторский вкус и материальная заинтересованность...

— Вам понятно настроение выпускниц школы, потому что в их возрасте вы тоже расстались с домом — поступили в первое Архангельское медицинское училище. А потом вернулись в Верхне-Тоемский район с дипломом фельдшера. Воспоминания о тех годах — строки «Я несла в лесные домины и в бараки в лесорубах в сумке пушинские томики за спиной — рюкзак с минструрами». Что бы вы сказали девушкам, покидающим родную землю?

— Агитировать... Имею ли я такое право? Тогда, видимо, самой надо туда вернуться. Наше поколение — связующее звено, разорвавшее эту цепь...

— Безвыходных положений не бывает. Должны ведь в Артемьевской появиться невесты!

— Об этом задумывается и колхоз. Для выпускниц школы построили прекрасное благоустроенное общежитие. И в животноводство пришли девушки. Есть надежда, что в нашем краю приживется новоселье. Это крайне важно. Ведь духовный, нравственный облик современного села в немалой степени зависит от женщин. На них держится жизнь. Деревенская тоже. Должно быть, потому с некоей тревогой слежу за тем, как рост благосостояния, благополучие начинают влиять на психологию наших крестьянок. Я говорю о молодых, чья обеспеченная жизнь порождает негативные, на мой взгляд, настроения. Хотя бы то, что называют обычно «вещизмом». Грустно бывает, когда появляется достаток, а из сельской жизни уходит что-то дорогое. Вот молодежь, которой по карману покупка магнитофона или другой дорогостоящей техники, увлеклась шлягерами, считая немелодичные народные песни, злободневную частушку. А что за сельский праздник без хорошеда? Не слышно в деревне гармошки. Сказать кому — не поперят: сельская свадьба проходит под радиолу. Куда такое годится...

— В вашей памяти и в стихах тоже речка Содонга осталась чистой, прозрачной, незамутненной. Но в поэме просятся и другие, грустные и даже гневные ноты...

— Не скрою, речку детства мне жаль. Чья-то нерадивость, работа кое-как оставили печальный след в судьбе речки, леса, лугов. Сток воды из леса приостановлен. Уничтожено немало роищ, откуда сельский житель еще в недалеком прошлом мог принести веник для бани. Исчезли болотца. У моего сынишки самые радостные воспоминания о том, как мы небирли с ним подснежную клюкву, потом терли картошку на крахмал, варили кисель — то-то бабушке радость...

— Ольга Александровна, поэму «Малина твоя» вы посвятили Федору Абрамову. Ваши теоретические симпатии тоже объясняются «узкой географией»?

— Так получилось, что напутствие к моей первой книге написал мой земляк Борис Шергин, а рецензию на второй сборник «Реченька» (в то время я уже жила в Вологде) — Николай Рубцов. Мы все, вологодские, постоянно ощущаем поддержку друг друга. Я радуюсь творческим успехам Василия Белова, Александра Романова, вологжанина-москвича Сергея Викулова. А в творчестве пытаюсь раснятьсь на моих любимых поэтов — Н Некрасова, М. Исаковского, А. Твардовского. Василию Федорову я благодарна за рецензию на «Сыр-бор». Очень тяжело переживаю безвременный уход Федора Абрамова...

— Со дня выхода вашего первого сборника «Сыр-бор» в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» прошло двадцать лет. Все эти годы вы, Ольга Александровна, живете в Вологде. Не чувствуете ли свою оторванность от Москвы, где закончили Литературный институт имени А. М. Горького, где издано большинство ваших книг?

— Мне долго по свету еще колесить. Без права устать и разбиться. Ничто не заменит меня на осци Единственной, ТОП, колесницы.

Москва не для меня. Трудно оторваться от своих корней. Выбираю золотое-среднее. Это я про Вологду, которая как раз на полдороге между Москвой и моей мамой.

Беседу вела
Клара ХРОМОВА
ВОЛОГДА
Фото А. МЕДСЕДНИКОВА